

28.05.93

Лит. Россия. - 1993. -
28 мая (№ 21). - С. 12.

Владимир
ВОРОПАЕВ

ВСЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ, подобно жизни инока, была непрерывным духовным подвигом и восхождением. Сам он постоянно стремился к иночеству и, не давая обетов монашества — нестяжания, целомудрия и послушания, — воплощал их в своем образе жизни. Не раз он порывался и сам в монастырь — в частности, одна из таких попыток произошла в Веймаре в 1845 году. Близко знавшие его люди утверждали, что монашество было истинным его призванием. «Я уверен, — писал В. Жуковский П. Плетневу в марте 1852 года из Бадена, получив известие о смерти Гоголя, — что если бы он не начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом, и был бы спокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно».

Есть свидетельства, что в конце жизни Гоголь собирался на Афон, но попасть туда ему не довелось. Одним из ключевых моментов его духовной биографии стала Оптиная Пустынь.

Козельская Введенская Оптина Пустынь сделалась к середине XIX века центром духовной жизни России — благодаря старчеству, процветавшему в ее Иоанно-Предтеченском скиту. С основания скита в 1821 году учениками и последователями великого старца преподобного Паисия Величковского, переводчика на церковнославянский язык «Добротолубия», и начинается расцвет Оптиной. Старцы привлекали в монастырь всю верующую Россию — от простого народа до государственных деятелей, искавших ответа на мучившие их вопросы. Приезжали туда и крупнейшие русские писатели — Достоевский, Лев Толстой, Константин Леонтьев. Первым в этом ряду был Гоголь.

В Оптиной Пустыни Гоголь был по крайней мере трижды: в июне 1850 года и в июне и сентябре 1851 года. Когда у него созрел замысел первой поездки — в точности неизвестно. Первое свидетельство об интересе Гоголя к Оптиной относится к 1846 году. В. А. Муханов писал в августе этого года сестрам из Остенде: «Здесь мы нашли Гоголя с которым познакомились. Он очень замечателен, в особенности по набожному чувству, христианской любви... Недавно читал он нам два прекрасных письма молодого Жерве к своему отцу, писанные из Оптиной Пустыни». (Речь идет о Петре Александровиче Жерве, оставшемся поручиком, ставшем в 1844 году оптинским иноком.) Но, скорее всего, Гоголь знал об Оптиной и раньше — например, из публикации в «Москвитяне» — № 4 за 1845 год — Жития преподобного Паисия Величковского.

Кто впервые посоветовал Гоголю посетить Оптину Пустынь? Достоверных сведений на этот счет нет. Согласно преданию, пересказанному оптинским старцем Варсонофием (в миру — Павел Иванович Плиханков), мысль о посещении обители подал Гоголю Погодин. Он будто бы сказал ему: «Надо ехать в монастырь... он называется Оптина Пустынь и находится в Калужской губернии... В Оптиной есть один старец, иеросхимонах Макарий, вот с ним-то и поговорите. Это и есть тот человек, которого ищете».

По другой версии, изложенной в рукописном Житии старца Макария (хранящемся ныне в библиотеке Оптиной Пустыни), Гоголя послал в Оптину Иван Киреевский. Последнее представляется более вероятным. Еще в январе 1845 года Киреевский справлялся у Жуковского о Гоголе: «Особенно хотелось бы мне слышать от Вас о том сильном религиозном направлении, которое, кажется, теперь овладело им. Откуда оно развилось, куда идет и куда дошло. Страшно, чтобы в Париже не подольстились к нему иезуиты. Изучал ли он особенно нашу Церковь?» Киреевский ставший незадолго до этого духовным чадом отца Макария, как никто другой понимал значение старчества. «Существеннее всяких книг и всякого мышле-

ния, — писал он А. И. Кошелеву, — найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов». Вероятно, нечто подобное Киреевский высказывал и Гоголю. Во всяком случае, в июне 1850 года Гоголь вместе с Михаилом Максимовичем, проездом на юг в Малороссию, заезжают в Оптину.

13 июня друзья выехали из Москвы на долгих. Первую ночь они провели в Подольске, где встретили супругов Хомяковых, с которыми коротали вечер в дружеской беседе. 15 июня Гоголь и его спутник ночевали в Малом Ярославце; утром отслужили молебен в тамошнем Николаевском монастыре, настоятель которого отец Антоний напоил их чаем и благословил каждого финифтяным образом Св. Николая Чудотворца.

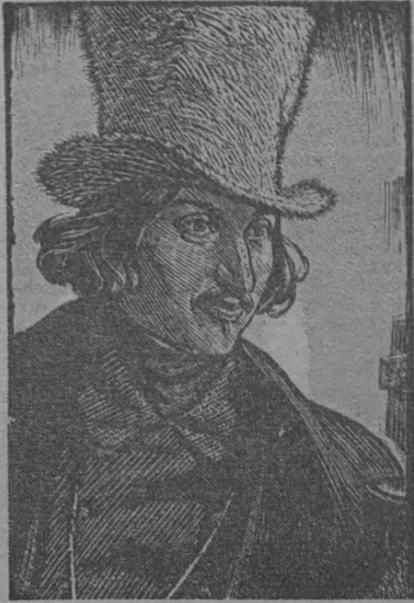
Игумен Антоний (в миру — Александр Иванович Путилов) был одним из трех братьев Путиловых, великих подвижников христианского благочестия. Вместе со своим братом, игуменом Оптиной Пу-

стые, не захотела взять с них денег и отдала землянику даром, отговариваясь тем, что «как можно брать с странных людей».

«Пустынь эта распространяет благочестие в народе, — сказал Гоголь, умиленный этим явлением. — И я не раз замечал подобное влияние таких обителей».

В Оптиной Гоголь, по воспоминаниям тамошних иноков, присутствовал на всеобщем бдении, во время которого «молился весьма усердно и с сердечным умением», затем посетил снова старцев. Было это, по всей видимости, 17 июня (тот день в 1850 году приходился на субботу, когда совершается под воскресенье всеобщее бдение). 19 июня путешественники уехали в имение Киреевского Долбино, находившееся в сорока верстах от обители.

Отсюда Гоголь на следующий день написал письмо оптинскому иеромонаху Филарету: «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться,

Гравюра на дереве
Николая КАЛИТЫ.

ГОГОЛЬ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

стыни отцом Моисеем, он был одним из первых насельников Иоанно-Предтеченского скита и управлял им 14 лет. В течение последующих 14 лет он был настоятелем Малоярославского Николаевского монастыря, а последние 12 лет проживал на покое в Оптиной Пустыни. Архимандрит отец Моисей (до пострижения — Тимофей) был настоятелем Оптиной в течение почти 40 лет за эти годы монастырь совершенно преобразился и обустроился. Развернулась его издательская деятельность, расцвело старчество Третьей брат Путилов, отец Исая (в миру Иона) был игуменом Саровской обители. Со всеми тремя братьями Гоголь был знаком.

Ночь на 16 июня Гоголь и Максимович провели в Калуге, а днем обедали у Смирновой, калужской губернаторши, старой приятельницы писателя. Здесь, в присутствии графа Алексея Константиновича Толстого Николай Васильевич говорил о своем намерении «проездить по России». Первый биограф писателя П. А. Кулиш рассказывает со слов Максимовича: «Между прочим путешествие на долгих было для него (Гоголя. — В. В.) уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России. от монастыря к монастырю, езда по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частью были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучать проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, «чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился».

Из Калуги Гоголь и его спутник отправились в Оптину Пустынь. Последние две версты до монастыря они прошли пешком, как и полагается паломникам. По дороге встретили девочку с мисочкой земляники и хотели купить у нее ягоды. Но та, видя, что они люди дорож-

просите молитв обо мне. Путь мой труден дело мое такого рода, что без ежесекундной, без ежесекундной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо... Гоголь понял, что оптинский дух стал для него жизненно необходимым: «Мне трудно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной Пустыни».

Именно в первый свой приезд в Оптину Гоголь познакомился со столпами оптинского монашества — игуменом Моисеем и старцем Макарием (в миру — Михаил Николаевич Иванов). Есть предание, что отец Макарий, обладавший даром прозорливости, предчувствовал приход Гоголя. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Говорят, он был в то время в своей келии (кто знает не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: «Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то». В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь».

В упоминавшемся уже Житии старца Макария говорится: «В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старца, бывшего настоятеля Оптиной обители, архимандрита Досифея, прожил на монастырской гостинице недели три. Во все это время он ежедневно посещал старца и подолгу с ним беседовал». Здесь явно допущена неточность. Гоголь пробыл в Оптиной в свой первый приезд не три недели, а три дня (с 17 по 19 июня). «Также достоверно известно, — продолжает автор Жития, — что батюшка о. Макарий, с христианской точки зрения, не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария. После того Гоголь еще два раза приезжал в Оптину к батюшке о. Макарию, и во время своего пребывания на монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту».

Почти несомненно что в беседе со старцем речь зашла и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В библиотеке Оптиной Пустыни хранился экземпляр книги с вложенным в нее отзывом святителя Игнатия (Брянчанинова, канонизирован Поместным Собором Русской Православной Церкви в 1988 году), переписанным рукой старца Макария. Преосвященный Игнатий всю жизнь сохранял особую близость к Оптиной, в юности будучи духовным сыном старца Леонида, он проходил там послушание и на склоне лет намеревался поселиться в Иоанно-Предтеченском скиту. В описываемую пору он был архимандритом настоятелем Троице-Сергиевой Пустыни близ Петербурга. К книге Гоголя св. Игнатий отнесся довольно критически: «Она издает из себя свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение тут между многими правильными мыслями много неправильных. Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу Истины, где начало всех духовных благ». В заключение святитель советовал своим друзьям читать святых отцов «стяжавших очищение и просвещение по подобию Апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновение Святого Духа».

Неизвестно, каким путем отзыв святителя попал в Оптину, возможно, его привез сам Гоголь, узнавший мнение отца Игнатия сразу по выходе книги, еще в 1847 году. Тогда Плетнев, издатель «Выбранных мест», отправил два экземпляра книги друзьям Гоголя Балабининым. Один из них Мария Балабина, бывшая ученица Гоголя, передала для прочтения архимандриту Игнатию, который возвратил его со своим отзывом, а та через Плетнева переслала Гоголю.

Благодаря Плетневу за присланный отзыв, Гоголь в письме из Неаполя в мае 1847 года признал справедливость упреков, но утверждал, что для произведения полного суда над книгой «нужно

Гоголь И. В.